

Раздел 4.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ, ПСИХОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ

Философское сообщество в современном обществе: кафедра и агора^{*}

Лишаев С.А., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский университет

В статье обсуждаются проблемы философского сообщества современной России. Рассматривается положение философии в обществе и перспективы развития философского сообщества. Аргументируется позиция, согласно которой будущее философии зависит от консолидации и самоорганизации философов-профессионалов, от их готовности выйти на агору и бороться за общественное внимание.

Ключевые слова: философия, философское сообщество, общество, кафедра, агора, преподавание философии, философская идентичность.

S.A. Lishaev, Samara

Philosophical community in modern society: chair and agora

The article regards the problems of the philosophical community in modern Russia. It deals with the current position of philosophy in society and the outlook for the development of the philosophical community. It is argued that the future of philosophy depends on the consolidation and self-organization of professional philosophers and their readiness to come forth to agora and fight for public attention.

Keywords: philosophy, philosophical community, society, chair, agora, teaching of philosophy, philosophical identity.

В последние два десятилетия настроение российского общества изменилось не в пользу философии и гуманитарных наук в целом. В том же направлении (если сравнивать с периодом перестройки и первой половиной девяностых годов) менялась и образовательная политика государства. Медленное, но неуклонное сокращение гуманитарной составляющей в программах высшей школы выражает эти настроения и способствует дальнейшему их усилению. Можно предположить, что стремление к экономии расходов на образование за счет сокраще-

^{*} Ранее работа публиковалась в сборнике: Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы научной конференции / под общ. ред. В. В. Миронова. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 60-67. Статья печатается в новой редакции.

ния учебных программ и аудиторной нагрузки продолжится и в ближайшем будущем. Очевидно, что в наихудшем положении окажутся в такой ситуации гуманитарные – самые «бесполезные» с точки зрения экономического подхода к образованию – науки. То, что вымывание гуманитарной составляющей высшего образования отрицательно скажется (уже сказывается) на состоянии общества и культуры, философам доказывать не надо. Как не надо им доказывать и того, что процесс «оптимизации» образования неизбежно коснется и отечественной философии. Существование философского сообщества сегодня (а его судьбу невозможно отделить от судьбы философии) определяется теми возможностями для профессиональной работы, которые предоставляет система высшего образования и академия наук РФ. Других площадок, позволяющих воспроизводить философов как профессиональной группы, в нашем обществе нет (ситуация в Европе и в других регионах складывается похожая, но в этой статье я буду говорить только о России).

Перед каждым из тех, кто сознает себя, принадлежащим к философскому сообществу встает вопрос: что будет с философией, если она частично или полностью окажется выдавлена за пределы университета как институции? Не думаю, что это приведет к ее полному исчезновению. Но в отсутствии профессиональной среды общения и академических площадок для обсуждения философских проблем уровень философствования и влияние философии на отечественную культуру (которое и сегодня нельзя признать заметным) будут снижаться. Переселение философов в «арт-салоны» и на площадки медиа (газеты, журналы, радио, телевидение, интернет-издания, блоги, etc.), если оно свершится, имело бы своим следствием деградацию философского языка и падения уже достигнутого к настоящему времени уровня постановки и обсуждения философских проблем.

Для того, кто занимается философией профессионально, очевидно, что современная философия не может не опираться на философскую традицию. Просто выйти на агору и задавать философские вопросы так, как когда-то это делал Сократ – не получится. Выход философа на агору в наши дни предполагает работу на кафедре, предоставляющую условия для общения с «коллегами по цеху», как-то работающие механизмы взаимного признания, «обкатку» новых идей, обсуждение спорных вопросов в кругу профессионалов. Выход на агору становится осмысленным, продуктивным, если члены сообщества способные выдвигать действительно новые идеи, новизна и качество которых проверяется «на кафедре». Только обкатав идею в философском сообществе можно перейти к решению следующей задачи: к поиску тех слов, с помощью которых эти идеи можно было бы вынести на широкую аудиторию.

Чтобы «дышать полной грудью» и занимать достойное место в культуре, философия должна пользоваться двумя легкими, а не одним. Для философской жизни равно важны и кафедра, и агора. Для будущего философии в России необходимо сохранить профессиональное философское сообщество, в котором «вопросы философии» будут обсуждаться «по гамбургскому счету», без скидок на незнание и неподготовленность.

Но этого мало. Философам необходимо преодолеть сформировавшуюся за советский период нашей истории аутичную замкнутость «в своем кругу» (кафедры, конференции, семинары) и выйти на агору, выступая по волнующим обществу проблемам, задавая вопросы, которые не вписываются в сложившуюся на данный момент «повестку дня», уже освоенную политиками, гражданскими активистами, журналистами, etc...^{*}.

Судьба философского сообщества в России (а значит и судьба русской философии) зависит не только от настроений, доминирующих в обществе и властных элитах (они могут меняться), но и от того, в каком состоянии находится это сообщество, а также от того, как философы заявляет о себе в масштабах «большого общества», в какой мере на агоре слышен голос философа. Ситуация с философским сообществом может измениться в лучшую сторону, если те, кто считают себя философами, будут двигаться – одновременно – в двух направлениях: работать над оздоровлением *кафедры* и стремиться к тому, чтобы приподнять завесу молчания, изменив индифферентное отношение к философии в широких кругах образованного общества (*вступать в диалог с агорой*). Признание значи-

^{*} Для России эта проблема не нова. Философия в России вводилась сверху (через создание семинарий, духовных академий и университетов по европейскому образцу, предполагавшему преподавание философии). Наряду с академической философией со второй половины восемнадцатого столетия в России появляется еще и философия вольная, «кружковая», «салонная», «домашняя» (масоны, просветители, общество любителей мудрости, кружки западников и славянофилов, кружок Станкевича и др.). До второй половины XIX-го века вольная и академическая философия друг с другом не соприкасались, или соприкасались эпизодически (можно вспомнить профессоров Московского университета М. Г. Павлова и И. И. Давыдова, оказавших влияние на любителей мудрости и Герцена). Стена между профессионалами (остававшимися равнодушными к современности, к социальным, политическим и эстетическим проблемам и не покидавшими институциональных границ университетов и духовных академий) и философами-дилетантами (обычно весьма активными в культурной и общественной жизни), выдвигавшими философские идеи, но не всегда готовыми к тому, чтобы развернуть их систематически, долгое время препятствовала развитию отечественной философии, мешала ее утверждению как самостоятельного и значимого феномена русской культуры.

Разрыв между философами-профессионалами (которых знали только студенты университетов и академий) и вольными философами (которых знала интеллигенция) начал преодолеваться только во второй половине XIX века усилиями таких людей, как В. С. Соловьев, Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин и др. В начале XX века участие университетских философов в общественной, культурной и политической жизни, их выступления на неакадемических площадках, их включенность в культурную жизнь России стали правилом, а не исключением (С. Н. и Е. Н. Трубецкие, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин и др.). Вольные философы в этот период были тесно связаны с представителями университетской философии (В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, А. Белый и др.). Как раз в это время философия в России достигла, с одной стороны, небывалого прежде уровня профессионализма, самостоятельности, систематичности, а с другой – заявила о себе как органический элемент русской культуры. В советское время достигнутая высота была утрачена. И хотя профессиональное сообщество в России сохранилось, как сохранилась и творческая философская мысль, но в общественном пространстве философия сколько-нибудь заметную роль играть перестала.

мости философского слова образованным обществом (более влиятельным, чем философское сообщество) могло бы стать весомым аргументом в пользу сохранения философии на вузовских площадках (*агора в поддержку кафедры*).

Будущее философии в России зависит от того, сможет ли философское сообщество выработать способы продвижения в этом направлении, хватит ли у нас сил, времени и упорства для того, чтобы консолидировать и укрепить позиции философии в непростой для философии обстановке, когда скорость информационных потоков размывает ценность глубокой, но требующей неспешности мысли. В этих заметках я хочу высказать свое представление о том, что мешает консолидации нашего сообщества, и «что делать», чтобы изменить описанную ситуацию к лучшему.

Для укрепления позиции сообщества в большом обществе, требуется, прежде всего, переосмыслить формы и способы его существования. В основе своей эти формы остаются такими, какими они были еще в советское время, когда место философии в интеллектуальном и культурном пространстве обеспечивалось не философской активностью и не интеллектуальными запросами культурной элиты (шире – общества в целом), а советским государством, видевшим в марксистской философии одну из идеологических опор властных институтов. Существование философских кафедр в СССР было гарантировано «свыше», но эти кафедры редко (в виде исключения и по недосмотру партийного начальства) становились площадками, на которых складывались *живые (неформальные) философские сообщества* *.

На протяжении последних 25-27 лет шел медленный, трудный процесс становления философского сообщества в новых социальных и исторических условиях. Этот процесс не завершился и сегодня. Главной институциональной площадкой по-прежнему остаются вузовские кафедры и философские факультеты. С содержательной стороны (чем заниматься, о чем думать, что преподавать), ситуация изменилась в лучшую сторону еще с конца 80-х годов прошлого века. Но многое осталось неизменным. Это и манера преподнесения философии студентам, и низкая интенсивность общения на философские темы внутри и между кафедрами, и неспособность выйти на агору и говорить с людьми так, чтобы они прислушивались к философской речи. Конечно, изменения происходят, но они имеют локальный характер и не меняют общей ситуации, которую можно характеризовать в терминах «инерции», «борьбы за выживание» и «экономии усилий» («они делают вид, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем»). В такой атмосфере трудно ожидать от «доцентов с кандидатами» смелости в постановке философских вопросов, формирования активных в интеллектуальном плане профессиональных сообществ и выхода на агору с собственной (то есть сформированной в ходе философских дискуссий) повесткой дня.

Нет смысла писать об условиях интенсификации философской жизни, которые наше сообщество самостоятельно изменить не сможет (достойная зарплата, умеренная учебная нагрузка, финансирование командировок, издательских

* Голос философа трудно было отделить от голоса «партии и правительства».

проектов, свобода от мелочного надзора и регламентации со стороны министерских чиновников и т.п.). Но есть смысл размышлять о том, что полностью или в значительной мере зависит от нас, от нашей активности и готовности к переменам.

Если попытаться охарактеризовать философское сообщество «в общем и целом», то следует признать его несобранность и пассивность в выработке и реализации профессионального этоса (можно даже без риска впасть в преувеличение признать, что оно пока что остается незрелым). Дееспособности сообщества, его внутренней и внешней активности препятствует (среди прочих причин) *унаследованная от советской эпохи институциональная беспечность*. В те годы активность и самоорганизация в философском сообществе не приветствовались (точнее, она подавлялись), а позиции философии в вузовских образовательных программах и в академии наук гарантировались независимо от того, в какой мере была продуктивной работа на философских кафедрах. Государство рассматривало философов как идеологов, которые должны были транслировать основы марксистской философии на студенческую аудиторию.

Инфантильное сознание советского человека (от нас ничего не зависит, если не конфликтовать «с начальством» и не высовываться, все зависит от государства) не было чуждо и философскому сообществу. К сожалению, именно трансляция родовых черт такого сознания во многом определяет наше поведение и сегодня.

Инерция институциональной беспечности, связанная с советским прошлым нашей философии, препятствует осознанию связи между судьбой сообщества и тем, что делают философы как философы, какое место они занимают в научном сообществе, в системе образования (что думают о философии студенты нефилологических специальностей и ученые с других нефилологических кафедр), как относятся к философии и философам образованная часть общества*. Сохранение инерции старых представлений о месте философии в образовании и культуре способствует постепенному вытеснению философии с университетской площадки.

После короткого периода широкого общественного интереса к философии (в том числе – к русской философии XIX-XX веков) в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов прошлого века настроение в обществе изменилось. «Экономический дискурс» и привычка рассматривать любые формы деятельности в перспективе их полезности (для бизнеса, власти, карьерного роста, материального благосостояния общества) доминируют не только в политической элите, но и в широких слоях населения. Маятник государственной образовательной политики давно уже качнулся от политики гуманизации и гуманитаризации образования (конец восьмидесятых – начало девяностых годов прошлого века) к утилитаризму и попыткам сократить или даже исключить из учебных программ

* Об инфантильности позиции, занимаемой многими российскими философами, можно прочесть в книге петербургского философа и социолога В. Семенкова [3, 24-29, 43-50].

«бесполезные привески» (философию, историю, культурологию, культуру речи и т.д.) и формализовать преподавание с тем, чтобы «эффективно» управлять «образовательным процессом».

В такой ситуации инертность и беспечность философского сообщества относительно собственного будущего может иметь пагубные последствия как для него, так и для потенциала отечественной философской традиции. Если мы не воспользуемся имеющимися у нас возможностями, этот потенциал может остаться в значительной мере не раскрытым, не реализованным.

Чтобы противостоять тенденции к сворачиванию институционально оформленной философии и ее последующей маргинализации, необходимо *пересмотреть место философии в системе вузовского образования (философия как академическая дисциплина) и в публичном пространстве*. Современность требует от нас осознания того, что будущее философского сообщества (даже близкое, не столь отдаленное будущее) ничем и никем *не гарантировано*, что за него надо бороться.

Что же могут предпринять в этом направлении сами философы?

Во-первых, приложить максимум усилий для того, чтобы философские кафедры (которые еще существуют во многих вузах*) стали центрами интеллектуальной жизни. Чтобы они были не только организационными площадками, обеспечивающими преподавание философии, но структурами, которые заявляют о себе как внутри вуза, так и вовне, в масштабах города, области и страны.

Надо изменить привычный способ преподавания философии, превращающих занятие в трансляцию знаний «по философии». Философия на нефилософских факультетах необходима, но нужна именно как философия, а не как информация о ней. Занятия будут восприниматься (студентами) как осмысленные, если на них будут не рассказывать о философии, а предъявлять философию (лекции), если на семинарах будут обсуждать философские тексты (но никак не параграфы учебника или неизвестного происхождения «рефераты»). Их задачей таких занятий должно быть знакомство с философией, а не с ее пересказами (пусть даже добротными). Когда мы говорим, что этот человек *знает* поэзию, а тот – нет, мы вовсе не предполагаем, что он знает ее историю, что он знаком с поэтическими жанрами, со стиховедением и т.д. В своем изначальном смысле знание – это знание практическое, опытное. В этом исходном смысле человек, имеющий опыт чтения стихов принципиально, отличается от того, кто такого опыта не имеет. Можно знать поэзию (иметь опыт чтения поэтических текстов) и «не понимать» ее, «не любить» и т.д. Но тот, кто не знаком с поэзией, не слышал стихов, у того нет оснований любить или не любить ее, понимать ее или не понимать, даже после прослушивания полного курса истории литературы. Зада-

* В последние 2-3 года набирает обороты практика объединения всех социально-гуманитарных дисциплин (за исключением иностранных языков) на одной кафедре, недвусмысленно обозначила тенденцию к «оптимизации» учебного процесса за счет поэтапного сбрасывания общеобразовательного «балласта». В таких условиях превращение кафедры в центр философской жизни усложняется, но решать ее все равно необходимо.

ча преподавателя философии, на мой взгляд, не может состоять в том, чтобы давать студентам систематическое представление об истории мировой философии, о ее разделах, проблемах и методах и проч., если, конечно, речь идет о студентах нефилологических специальностей. Она должна состоять в том, чтобы студент, посещавший философский курс, мог по его итогам сказать, *что он знает* (в указанном выше смысле), *что такое философия как человек, попробовавший ее «на вкус»*. Кратко этот подход можно сформулировать так: не информировать аудиторию, а философствовать вместе со студентами.

К сожалению, преподавание философии на нефилологических специальностях по большей части или не формирует у обучающихся ей никакого представления о философии или (что случается часто) формирует отрицательное отношение к ней как к схоластическому «переливанию из пустого в порожнее». Преподавателю стоит помнить, что помимо ответственности за решение образовательных задач, на нем лежит и ответственность за то, как будет относиться к философии «образованное общество» в ближайшем и отдаленном будущем.

Помимо изменений в целевых установках в преподавании философии студентам нефилологических специальностей, следует подумать о том, как сделать философские кафедры площадкой для общения с «образованной публикой». Чтобы стать таковой кафедра должна предложить нечто важное и интересное не только для студентов, но и «для всех желающих». В идеале кафедра философии должна быть местом, где организуются и проводятся публичные лекции, бесплатные семинары, обсуждаются актуальные вопросы общественной жизни в их философской постановке (*«философия для горожан»*).

Необходимо также приложить усилия для консолидации философского сообщества. Коммуникация между философами слаба не только на общероссийском, но и на городском уровне. Без активного взаимодействия философов в региональном и общероссийском масштабе не будут работать механизмы профессионального признания, без которых трудно рассчитывать на консолидацию сообщества и выдвижение из него людей, способных достойно предоставлять философию на агоре.

Одна из проблем нашего сообщества – слабые связи между разными поколениями философов. Каждое поколение философствует так, словно до него в России философии не существовало [2]. Выделение грантов на философские исследования – важный механизм структурирования сообщества, но пока он работает слабо. Негосударственных программ нет, а число грантов, выделяемых государством – невелико. Не работает в полную силу и механизм философских премий, акцентирующих внимание на лучших философских работах за год (или за два, три, пять лет) на разных уровнях (города, региона, страны).

Важное условие повышения качества философского сообщества и его консолидации – самосознание философа. Здесь тоже есть над чем поразмышлять. Далеко не все из тех, кто *принадлежит к профессиональному сообществу* институционально, *идентифицируют себя с философией*. На вопрос, «чем вы занимаетесь?», «кто вы по профессии?» многие отвечают уклончиво: «я преподаватель философии», «я историк философии», «я специалист по... таким-то про-

блемам». Обсуждать причины этого феномена в деталях в кратких заметках невозможно. Замечу только, что философской продуктивности неуверенная, «ускользающая» идентичность не способствует. Для философского сообщества было бы желательно, чтобы как можно больше его членов отказалось от неуверенной идентичности в пользу философского самоопределения (Этот вопрос, задаваемый, как я полагаю, многих членов сообщества, уже обсуждается в отечественной литературе [3].) Такое самоопределение, конечно, обязывает. Но без этого трудно ожидать от философа самостоятельности и оригинальности. Не все дерзающие философствовать получают признание как философы, но если дерзающих не будет (или их будет мало), не будет и философии как *живой* традиции.

Кроме того, философу необходимо почаще выходить за пределы университета. В этом, конечно, нет ничего нового. Но нет и ничего зазорного, постыдного. Ведь и Сократ, как известно, вступал в беседу с согражданами, не дожидаясь вопросов с их стороны. Он вступал в диалог по собственной инициативе.

Говоря об агоре, я говорю и о медийных площадках (Интернет, телевидение, радио, газеты, журналы), и о тех интеллектуальных и творческих сообществах, где слово философа сегодня востребовано. Это, прежде всего, сообщества, связанные с художественной жизнью (художественные галереи, объединения любителей фотографии, поэзии, музыки, арт-кафе, etc.), это книжные магазины и библиотеки, это площадки, возникающие под эгидой церкви, это структуры, создаваемые психологами и др. По собственному опыту знаю, что запрос на философскую речь на таких площадках существует. Философы на них появляются, но происходит это не часто.

Будущее философии (философии как элемента культурной жизни, как «бродильных дрожжей» культуры) зависит от того, сможет ли философ занять свое место в публичном пространстве. При этом его позиция не должна быть позицией эксперта (политолога, социолога, эколога и т.д.). Философ – это не эксперт. У него есть свое место в культурном пространстве и определяется оно характером философского вопрошания и философским способом «смотреть на вещи».

Философ может высказываться по любым волнующим общество вопросам. Но он должен говорить таким образом, чтобы слушатели (зрители, читатели) понимали, что они имеют дело не с экспертом, не с журналистом, не с политиком, а с философом. Если он к этому не готов, то от выступления лучше отказаться.

Еще важнее (и еще сложнее в реализации), чтобы философ *задавал повестку для публичных дебатов, ставил вопросы, которые еще не были поставлены*, чтобы он поднимал вопросы, о которых другие спикеры агоры (журналисты, политики, эксперты) молчат. Философ тем и отличается от своих сограждан (должен отличаться), что способен поставить вопросы, которые никто другой не поставит. Движение по направлению к агоре в последние годы стало заметнее, но пока оно остается слишком слабым для того, чтобы изменить общественную атмосферу и сделать философию желанной участницей культурной и общественной жизни. Будущее российского философского сообщества туманно. Во многом оно зависит от нас.

Литература

1. Лишаев С.А. Неуверенная идентичность (самосознание философа в современной России) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2014. № 2 . С. 3-24.
2. Савчук В. В. Невозобновляемый ресурс русской философии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 2. С. 63-82.
3. Семенов В. Е. Философское знание: модусы производства и признания. СПб.: Алетеия, 2011. 224 с.

Роль социально-гуманитарных наук в современной системе высшего образования

Банникова Н.Ф., Самара

к. истор. н., профессор кафедры
отечественной истории и историографии,
Самарский университет

В статье обращено внимание на важность развития системы образования, в которой социально-гуманитарные дисциплины играют важную роль. Мировоззренческая позиция обязательно присутствует в процессе воспитания и обучения нового поколения специалистов. Восстановление национального самосознания в России – важная задача и для образования. Социально-гуманитарные технологии в технических вузах на современном этапе должны занимать достойное место.

Ключевые слова: социально-гуманитарные технологии, система образования, традиционные ценности.

N.F. Bannikova, Samara

The role of the social sciences and humanities in the modern system higher education

The article draws attention to the importance of developing the education system, in which social and humanitarian disciplines play an important role. The worldview is necessarily present in the process of educating and training the new generation of specialists. Restoring national identity in Russia is also an important task for education. Socio-humanitarian technologies in technical universities at the present stage should occupy a worthy place.

Keywords: social and humanitarian technologies, education system, traditional values.